

Н.И.Девятайкина

ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГУМАНИСТОМ ПЕТРАРКОЙ

В статье на материале писем и диалогов анализируются представления первого ренессансного гуманиста и поэта Франческо Петрарки (1304—1374) о традиционном образовании его времени и роли этой традиции в его собственном образовании. Выявлено, что в памяти Петрарки опыт его университетской молодости (Монпелье, Болонья, 1316—1320-е гг.) оставил большой след живой, насыщенной римской древностью образовательной средой, познаниями и «величавостью» профессоров, университетской дружбой. Этому времени гуманист противопоставляет практики тех университетов, с которыми жизнь столкнула его в 1350—1360-е гг., критикуя падение уровня ученого звания, требований экзаменаторов, в диалоге «О мудрости». Его анализ показал, что Петрарка считает образование «новых мудрецов» лоскутным. Петрарка, с одной стороны, впитал традиционное крепкое знание, с другой перерос его. Его век обнаруживает разнонаправленные пути развития образования, не только расхождение, но и сопряжение традиционного нового знания, сохранения его авторитета.

Ключевые слова: Петрарка, трактат «О средствах против превратностей судьбы», традиции образования, университеты XIV в., итальянский ренессансный гуманизм, гуманисты-педагоги

Жизнь университетов России последних двадцати лет богата новациями, но пока больше ставит вопросов по поводу *вымывания* важнейших традиций, будь то отказ у гуманитариев от латинского языка, спецсеминаров, серьезных курсовых работ, или сведение первого самостоятельного текста, дипломного сочинения, к ВКР (выпускной квалификационной работе), которую даже официальные документы «от образования» называют «рефератом». В результате магистранты, ассистенты-стажеры, аспиранты переходят с бакалаврской ступени обучения на следующие (европейскую магистратуру, аспирантуру) почти без исследовательского инструментария. О ситуации заговорили на телевидении, в Интернете, в сетях, что свидетельствует о широкой общественной актуальности проблемы. Наука тоже с тревогой вглядывается в перемены. Специалисты анализируют результаты масштабных опросов, констатируют падение уровня диссертационных исследований, засилье малокачественных статей описательно-вторичного типа. Эти «сигналы» заставляют очередной раз поставить вопрос о роли традиций, историческом подходе к ним, требуют глубже вглядеться в пути, которые за десять веков прошло европейское образование, в перемены, которые имели место.

Об одном из таких моментов пойдет речь в статье через рассмотрение представлений первого ренессансного итальянского поэта и гуманиста Франческо Петрарки (1304—1374) о традиционном образовании его времени. Общепризнано, что с него начинается периодизация европейского гуманизма и Возрождения, открытие мира и человека Нового времени.

Проблематика статьи связана с латинским наследием Петрарки, степень изученности которого в рамках современных подходов и вопросов недостаточна, хотя разворот к нему в последние десятилетия (в том числе — в связи с 700-летием со дня рождения) обозначается все больше. Достаточно вспомнить обстоятельные научные труды и переводы недавно ушедшего из жизни Уго Дотти (1938—2017), одного из самых известных итальянских специалистов-петрарковедов, особенно монографию о жизни Петрарки, переведенную на многие языки [1].

По интересующему нас в данной статье «университетскому вопросу» в общих работах так или иначе обозначается (повторяется) три-четыре момента: что Петрарка в глазах современных профессоров мог выглядеть недоучкой (он бросил Болонский университет, не завершив обучения) [2], что с ним остро полемизировали по философско-богословским вопросам авероисты Падуи, упрекая в «не-современности» [3], что сам он резко критиковал средневековую школу и ее «предметы» [4], а в письмах-трактатах предлагал совершенно иную, уже гуманистическую, программу образования [5]. Ее подхватили и опробовали на практиках гуманисты-педагоги первой половины следующего столетия [6]. Отмечается также, что сам Петрарка не пожелал стать университетским преподавателем, отказавшись от предложения на этот счет открытого в конце 1340-х гг. флорентийского университета [7]. Системного исследования вопроса об отношении гуманиста к университетской традиции и о роли этой традиции в его собственном образовании пока не предпринималось.

Главными источниками данной статьи стали диалоги Петрарки из трактата «О средствах против превратностей судьбы» (1354—1366), автобиографические письма к другу детства архиепископу Генуи Гвидо Сетте (1367) и «К потомкам» (1358 — начало 1370-х гг., не завершено), ряд других посланий. (Выходные данные называются по мере цитирования).

В статье предпринята попытка выявить, насколько Петрарка на протяжении жизни «сталкивался» с высшим образованием и его носителями, каким остался в его памяти опыт Монпелье и Болоньи, какие культурные традиции были живы и в какую сторону в его глазах изменились практики университетов со времен его молодости.

«Знакомство» Петрарки с университетскими выпускниками началось с колыбели: его отец, а также дед по материнской линии получили правоведческое образование, мечтали, что Франческо и его младший брат Герардо пойдут по их стопам. Дед и отец, по свидетельствам поэта, прекрасно знали и любили римскую эпическую поэзию, так что будущий гуманист и его брат познакомились с Вергилием и другими авторами с ранних лет. Затем школьный учитель, скромный бакалавр, т.е. тоже выпускник университета, факультета семи свободных искусств, по словам знаменитого ученика, закрепил и развил эту любовь к античности. Сам учитель, Конвенале да Прато, вынес из университета основательное знание латинского языка, рассматривал уроки грамматики как серьезные занятия и по римской литературе тоже, превратив их для учеников «в сладкое молоко отроческой науки», сумев, однако, подготовить и к «пище, более суровой» [8].

Отец, по воле судьбы (как политический изгнанник) оказавшийся с семьей в Авиньоне, месте долгого пребывания (1309—1377) тогдашнего папства, выбрал своим сыновьям для продолжения обучения университет Монпелье, известный на тот момент 130-летними правоведческими традициями образования, почти как Париж его богословием. Он вполне мог ограничиться более простым (и в семейно-материальном отношении менее затратным) выбором: как раз в характеризуемые годы (1303) возник университет в Авиньоне. Но не пошел на это: надо полагать, что для старшего поколения понимание значимости мощных университетских традиций, сложившихся в Монпелье, оказалось решающим фактором.

Каким же остался в памяти Петрарки опыт университетской жизни? В названном выше письме к другу Гвидо Сетте он с удовольствием вспоминает проведенные в Монпелье совсем юные годы (1316—1320), с 12 до 16 лет, для его брата Герардо детские — с 9 до 12. Письмо многоплановое, содержательное, заслуживает отдельной статьи, поэтому остается только кратко прокомментировать краткий же отзыв гуманиста о Монпелье. Петрарке в момент воспоминания было уже за 60 лет, за плечами осталась большая, насыщенная очень же большими трудами полоса жизни. В его отдаленной памяти остались веселые толпы («масса») школяров, заливающие улицы и проулки около университета, множество профессоров, мир и покой в городе. Студенты, по историческим сведениям сайта университета Монпелье, в век Петрарки составляли около четверти населения, как и ныне. Значит, имела место активная университетская жизнь, сложившаяся живая образовательная среда, которая поддерживается, как показывает история, не в малой мере благодаря традиции. Петрарка и его друг Гвидо с удовольствием изучали там право, очевидно, начатки. Но и они, по словам гуманиста в «Письме к потомкам», были «насыщены римской древностью» [9], иными словами, традицией. Петрарка с братом, как и все школяры, часто бывали в соборе, скамьи которого сохранились до сих пор, автору статьи довелось посидеть на них. Там же, как в большинстве университетов, происходил у школяров главный экзамен-диспут. Ко времени Петрарки данной процедуре было не меньше ста лет, т.е. и она оказывалась почтенной традицией.

Не исключено, что некоторым отголоском ученой традиции стал трактат «О средствах против превратностей судьбы». По форме его 254 текста напоминают диалоги средневековых учебников, где ученик кратко формулирует вопрос, а учитель развернуто на него отвечает. Некоторые диалоги позволяют понять меру образованности школяров и их наставников. В двух из них беседуют Разум и Радость, аллегорические персонажи, позаимствованные Петраркой у стоиков. Разум-Петрарка непрерывно адресует Радость-учителя в одном диалоге [10], Радость-ученика в другом [11] к историческим примерам, римским, греческим, библейским, называя много имен, приводя суждения десятков авторов, начиная с Аристотеля, вспоминая персонажей мифов. Об этих диалогах уже был случай написать [12], поэтому заметим лишь одно: собеседники Разума отвечают кратко, но вполне понимают его речи и аргументы. В первом диалоге ученик с похвалой характеризует учителя, во втором — учитель ученика. Конечно, многое автор трактата к своим 50-ти годам, когда начинал его писать, мог получить через самообразование, но ведь и к нему надо выработать вкус, это тоже дело традиции, учителей, профессоров, родителей. Если хотя бы половину тех знаний, что явлены в диалогах, Петрарка обрел в школе и университетах, это — внушительный показатель. Он, применительно к сегодняшним компетенциям, «знал» многое, «умел» усвоенное продуктивно использовать в самых разных видах творчества и общественной жизни, «владел» знанием свободно и прочно до последних дней, цитируя по памяти сотни строк в письмах, речах, сочинениях, стихах, с уверенностью обращаясь к созданию исторических и этико-философских сочинений.

Продолжением знакомства с университетской жизнью стала для Петрарки и его брата Болонья. Заметим попутно, перед нами средневековый пример раннего взросления: Петрарке 16 лет, брату — 13, они уже бывалые студенты. Какие же традиции и практики они встретили в знаменитом университете? Как и в отношении Монпелье, Петрарке памятно, судя по тому же письму к Гвидо Сетте, «сборища студентов», их «усердие», памятна особая, восхищающая «величавость» преподавателей, «словно воскресли древние законоведы». Петрарка проучился у них три года, и одолел, как вспоминает сам, большой курс гражданского права. О традициях «крепкого» обучения в ведущих университетах свидетельствуют и эти три года. Приведем один-два факта. Петрарка, не ставши правоведом-профессионалом, дважды брался за сложные и громкие дела, оба раза завершал их успешно. Он выиграл в 1340-е гг. долгую тяжбу университетского друга и покровителя, правителя Пармы Аццо Корреджо, связанную с ложным обвинением, а позже (1354) помог выйти из авиньонской папской тюрьмы «трибуну» Кола ди Риенцо, предводителю римского «народа» в борьбе за установление в Вечном городе республиканского правления (коммуны). Об этих процессах он вспоминал в «Письмах без адреса» [13].

Слава и глубокие знания болонских юристов, а также их профессиональная принципиальность, напомним, с XII в. «играли» на традицию, о некоторых из них легенды передавались от одного поколения школяров к другому. Достаточно назвать имя Аккурсио да Баньоло (1184—1263), который «отказал» императору Фридриху II в освобождении его сына Энцо, осадившего Болонью и попавшего там в плен. В глазах современников лучшие из болонских юристов были достойны вечной памяти: профессора и правоведа Аккурсио похоронили рядом с собором Св. Доминика, вознеся саркофаг высоко над землей, а арку в честь него и его сыновей-правоведов воздвигли рядом с церковью Св. Франциска. Их имена и места памяти оставались опорой традиции во времена Петрарки, сохранились они и донныне. Правда, в практиках рядовых юристов своего времени он с горечью видел отступление от нее, но сам, как ясно из «Письма к потомкам», ее поддержал ценой отказа от профессии, не пожелав пользоваться законами «бесчестно».

Среди духовных традиций, к которым оказался причастен Петрарка и которые сам продолжил, можно назвать университетскую дружбу. Приведем некоторые примеры. С Гвидо Сетте, адресатом не раз цитированного выше письма, она продолжалась всю жизнь, укрепляясь многими встречами и письмами зрелых лет. «Подзащитный» Аццо Корреджо был одним из активных организаторов поэтической коронации своего друга на Капитолии в 1341 г. (тоже, кстати, воскрешавшей римскую традицию). Петрарка, со своей стороны, посвятил ему трактат «О средствах против превратностей судьбы», часто бывал в Парме, даже купил там дом ради общения с другом. Среди университетских друзей Петрарки были выходцы из очень знатной римской семьи Колонна, поэты, священники, профессора, юристы, т.е. лица разных статусов и занятий. Их объединяло знание, любовь к античности, Вечному городу (Риму), страстный интерес к современной поэзии и искусству.

Отношения предполагали не только глубокую взаимную приязнь, они требовали, как ясно, времени, помощи и пр. Как свидетельствуют многие послания гуманиста, университетские друзья Петрарки переписывали друг для друга его сонеты, письма, сочинения; переписывали и труды древних авторов, активно общались через письма, личные встречи, давали рекомендации, заказывали портреты, материально помогали друг другу.

Вернемся к университетам эпохи Петрарки. За его жизнь в их истории и практиках произошло много перемен. Как известно, XIV в. стал временем университетов, их возникло больше, чем за два предшествующих столетия. Таким стал ответ на запрос времени. Не все новые университеты с ним справлялись с точки зрения «классических» традиций. Приведем важное, хотя и сатирически окрашенное, свидетельство Петрарки. В трактате «О средствах против превратностей судьбы» есть диалог «О мудрости» [14]. Прочитаем из него знаменитый фрагмент, колоритный обмен репликами участников (в превосходном переводе Л.М.Лукияновой):

«*Радость*. Я знаю, что я мудр. *Разум*. Наше время счастливее древности: у нас не два и не семеро мудрецов, но в каждом городе их целые стада. Чему удивляться? Ныне стать мудрецом очень легко. Приходит к храму неразумный юноша, наставники отзываются о нем с похвалой — то ли по любви, то ли переоценивая его способности. Он раздувается от самодовольства, народ столбенеет от изумления, знакомые и друзья расцветают от радости за него. Юношу заставляют подняться на кафедру, и он, взирая на всех с высоты, бормочет, запинаясь и путаясь, невесть что. Старшие наперебой возносят до небес его слова, как божественные. И вот звонят колокола, гремят трубы, являются перстни, запечатлеваются поцелуи, макушка покрывается круглым черным лоскутом. На кафедру поднимался глупец, а сходит с нее мудрец. Превращение потрясающее, неведомое и Назону. Сегодня именно так и делаются мудрецами; а истинным мудрецом становятся по-другому» [15].

Рассуждение Разума позволяет ясно представить *традиционную процедуру* экзамена на получение звания, о которой упоминалось выше. Мы понимаем из слов прямого свидетеля, что процедура публичная, происходит в сакральном месте; особенность ситуации подчеркивается «возвышением» претендента над остальными: он говорит с кафедры, места также особого, куда обычно поднималось для проповеди важное церковное лицо. Сакральность и праздничность объединяются колокольным звоном и трубами. Успешный экзамен делает выпускника университета в глазах общества обладателем особого, чтимого, авторитетного знания; да и он с гордостью называет себя мудрецом. Университет и внешне обозначает его отличия через публичное вручение «знаков» — перстня и шапочки. (Мы помним, что среди них еще и плащ, но Петрарка о нем умалчивает). В связи с нашей темой остается подчеркнуть, что традиция сохраняла свою устойчивость не только во времена Петрарки, но много веков еще, ритуально отдельные компоненты живы и ныне.

Ясно также, что престижность знания во времена Петрарки обернулась погоней городов за открытием своих университетов. Они появились, как мы слышим от Разума, «в каждом городе» вместе со «стадами» их выпускников. В глазах Петрарки это ухудшило подготовку, обесценило знание, девальвировало самое звание. Иначе, чем во времена его молодости, ведут себя и наставники: они подменяют основательность подготовки пустыми похвалами. Главное же, что гуманиста заставляет негодовать особенно — в игру включаются экзаменаторы, имитирующие прежнее содержательное наполнение экзамена. В результате, как ясно, имитация *подменяет* традицию престижности большого и серьезного знания, а «стада» имитаторов — особую группу высокообразованных выпускников, шапочка превращается в «лоскут», который становится метафорой такого же «лоскутного» образования.

Ситуация, обрисованная Петраркой, конечно, свидетельство неблагополучия, кризисных явлений, показанных через увеличительное стекло сатиры. Она болезненно воспринимается им, интеллектуалом и гуманистом. Его волнует невежество выпускников, о чем гуманист развернуто рассуждает в инвективе «О

своим собственным и многих других невежество», написанном в те же годы, что и диалог «О мудрости». Его волнует и ограниченный объем знания, который продолжают транслировать учителя, мало откликаясь на культурные перемены в жизни общества, гуманистические тексты, разысканные в библиотеках античные сочинения. Петрарка поднимает и тему необразованного учителя в трактате «О средствах против превратностей судьбы», специальном диалоге, который «зеркалит» с диалогом о выдающемся наставнике [16].

Подведем некоторые итоги. В XIV в. среду высокообразованных гуманитариев составляли выпускники факультетов свободных искусств, правоведы, богословы. В основе образования лежало многовековое книжное знание, в основе коммуникаций — классическая риторика. Римско-латинский, не только светский, но и христианско-церковный пласт знания оставался мощной, но традиционной и мало изменяемой платформой. Данный факт двояко отразился на Петрарке. С одной стороны, он впитал это объемное знание, с другой, вместе со временем перерос его. Самообразование позволило гуманисту глубже понять формализованность прежнего знания, недостаточное проникновение в суть читаемого текста, заявить о важности познания мира природы и мира людей через опыт, светские примеры, гражданскую историю. Это и пришло в университеты, а также школы с поколением гуманистов-педагогов. В составе нового знания латинский язык не просто осваивался в прежнем объеме, но играл большую роль, поскольку резко возросло число светских читаемых «авторов» — как за счет открытых вновь текстов, так и за счет современных гуманистических сочинений.

Девальвация этической высоты и, возможно, традиционной престижности некоторых «классических» знаний, вроде правоведческих, выправлялась ростом престижности других, вроде лингвистических историко-литературных, прославивших новые университеты гуманистов-педагогов, разделявших позицию Петрарки, создававших собственные программы образования, в которые были включены и тексты первого гуманиста. Известно, что мощно поддерживали свои традиции и старинные университеты, в двух из которых довелось поучиться Петрарке. Иными словами, век Петрарки обнаруживает разнонаправленные пути развития образования, при этом дает пример сопряженности старого и нового знания, сохранения в традиционном или гуманистически новом поле его фундаментальности и авторитета.

1. Dotti U. Vita di Petrarca. Milano: Garzanti, 2013. 420 p.
2. Андреев М.Л. Петрарка // Культура Возрождения: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. Кн. 1: Л-П. М.: РОССПЭН, 2011. С. 535-536.
3. Ревякина Н.В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV—XV вв. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 258 с.
4. Девятайкина Н.И. Петрарка об образованности и невежестве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы») // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 7. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2015. С. 57-72.
5. Kristeller P.O. Il Petrarca nella storia degli studi // Petrarca e la cultura europea / A cura di L. Tarugi. Milano: Nuovi Orizzonti, 1997. P. 6-17.
6. Ревякина Н.В. Портрет итальянского гуманиста и педагога Витторино да Фельтре // Интеллигенция и мир. Вып. 3. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2017. С. 72-88.
7. Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII—XIV вв.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
8. Петрарка Фр. Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времен // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. сб. текстов / Пер. с лат. и коммент. Н.В.Ревякиной, Н.И.Девятайкиной, Л.М.Лукьяновой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 82-98.
9. Петрарка Ф. Письмо к потомкам / Пер. с лат. М.О.Гершензона // Франческо Петрарка. Лирика. Автобиографическая проза. М.: Правда, 1989. С. 304-311.
10. Petrarca Fr. De excellenti praeeptore // Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. Lib. I. dial. LXXX. 334 p.
11. Petrarca Fr. De insigni discipulo // Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. Lib. I. dial. LXXXI. 334 p.
12. Девятайкина Н.И. Тема учителя и ученика в диалогах Петрарки (по трактату «О средствах против превратностей судьбы») // Долгое средневековье. Сборник в честь профессора А.А.Сванидзе. М.: Кучково поле, 2011. С. 93-106.
13. Petrarca Fr. Sine nomine. Lettere polemiche e politiche / A cura di U. Dotti. Roma-Bari: Laterza, 1974. P. 14-16.
14. Petrarca Fr. De sapientia // Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. Lib. I. dial. XIII. 334 p.
15. Петрарка Фр. О мудрости // Петрарка Фр. О средствах против превратностей судьбы. Кн. 1, диал. 13 / Пер. с лат. Л.М.Лукьяновой; вступ. ст. Н.И.Девятайкиной, примеч., указат. Л.М.Лукьяновой. Саратов: Волга, 2016. 615 с.
16. Petrarca Fr. De indocto praeeptore // De remediis utriusque fortunae. Lib. II. dial. XL / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. 334 p.

References

1. Dotti U. Vita di Petrarca. Milano, 2013. 420 p.
2. Andreev M.L. Petrarca. Cultura Vozrozhdenia: Enciclopedia: V 2 t., vol. 2, kn.1: L-P. Moscow, 2011, pp. 535-536.
3. Reviakina N.V. Gumanisticheskoe vospitanie v Italii XIV—XV vv. [Humanist Education in Italy 14th—15th centuries]. Moscow, Berlin, 2015. 258 p.
4. Deviatkaikina N.I. Petrarca ob obrazovannosti i nevezhestve (po tractatu “O sredstvach protiv prevratnostei sudbi”) [Petrarch on education and ignorance (according to the treatise “On the means against the vicissitudes of fate”). CURSOR MUNDI: chelovek Antichnosti, Srednevekovia i Vozrozhdenia, iss. 7. Ivanovo, 2015, pp. 57-72.
5. Kristeller P.O. Il Petrarca nella storia degli studi // Petrarca e la cultura europea / A cura di L. Tarugi. Milano, 1997, pp. 6-17.
6. Reviakina N.V. Portret italianskogo gumanista i pedagoga Vittorino da Feltr[e] [Portrait of the Italian humanist and teacher Vittorino da Feltr[e]]. Intelligenza i mir, iss. 3. Ivanovo, 2017, pp. 72-88.
7. Krasnova I.A. Florentiiskoe obschestvo vo vtoroi polovine XIII—XIV vv.: grandi i popolani, “dobrie” kupci i rizari [Florentine society in

- the second half of the 13th — 14th centuries: grandees and popolans, “good” merchants and knights]. Moscow, Saint Petersburg, 2018. 494 p.
8. Petrarca Fr. Pismo k Guido Sette, archiepiskopu Genui, ob izmenenii vremen [Letter to Guido Sette, Archbishop of Genoa, on the changing times]. *Italianский gumanizm epochi Vozrozhdenia. Sb. tekstov.* Saratov, 1984, pp. 82-98.
 9. Petrarca Fr. Pismo k potomkam [Letter to the descendants]. Francesco Petrarca. *Lirica. Autobiograficheskaia proza.* Moscow, 1989, pp. 304-311.
 10. Petrarca Fr. De excellenti praeceptore. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. Lib. I. dial. LXXX. 334 p.
 11. Petrarca Fr. De insigni discipulo. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. Lib. I. dial. LXXXI. 334 p.
 12. Deviatkaikina N.I. Tema uchitelia i uchenika v dialogach Petrarci (po tractatu “O sredstvach protiv prevratnostei sudbi”) [The theme of teacher and student in the dialogues of Petrarch (on the treatise “On means against the vicissitudes of fate”)]. *Coll. of papers “Dolgoe srednevekovie”.* Moscow, 2011, pp. 93-106.
 13. Petrarca Fr. Sine nomine. *Lettere polemiche e politiche / A cura di U. Dotti.* Roma-Bari, 1974, pp. 14-16.
 14. Petrarca Fr. De sapientia. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. Lib. I. dial. XIII. 334 p.
 15. Petrarca Fr. “O sredstvach protiv prevratnostei sudbi” [“On means against the vicissitudes of fate”]. Saratov, 2016. 615 p.
 16. Petrarca Fr. De indocto praeceptore. De remediis utriusque fortunae. Lib. II. dial. XL / éd.: Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492. 334 p.

Deviataikina N.I. Perception of European traditions of university education by humanist Petrarch. The Author of the article on the material of letters and dialogues analyzes the representations of the first Renaissance humanist and poet Francesco Petrarca (1304—1374) of the traditional education of his time and the role of this tradition in his own education. It is revealed that in Petrarch's memory the experience of his university youth (Montpellier, Bologna, 1316—1320s) left a great mark of living, enriched with Roman antiquity educational environment; knowledge and “greatness” of professors, university friendship. Petrarch opposes this time to the practices of universities with which life pushed him in the 1350—1360s, in the dialogue “About Wisdom” he criticizes the fall of the level of academic rank, the requirements of examiners. Analysis of this dialogue showed that Petrarch considers the education of “new wise men” to be fragmentary. Petrarch, on the one hand, absorbed traditional strong knowledge, on the other hand, he outgrown it. His century reveals divergent paths of development of education, not only divergence, but also conjugation of new and traditional knowledge, preservation of its authority.

Keywords: Petrarch, “Phisicke Against Fortune”, traditions of education, universities of the 14th century, Italian Renaissance humanism, humanist teachers.

Сведения об авторе. Нина Ивановна Девятайкина — д. ист. н. (специальность 07.00.03), профессор кафедры методики преподавания истории Московского педагогического государственного университета, кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории; ORCID: 0000-0003-0182-4557; devyatay@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2020. Принята к публикации 01.07.2020.